

но жена уже жаловалась вамъ на меня; пожалуется и на него; а я не хочу, чтобы вы о немъ дурно думали. Онъ, какъ дитя, безобиденъ и простъ, и самъ, по скромности своей, не способенъ обороняться.

И онъ не ошибся. Проснувшись рано поутру, въ такую пору, когда хозяинъ и другъ его покоились еще глубокимъ сномъ, я вышелъ въ садъ. Это былъ старый, раскинутый на пологомъ склонѣ и сильно запущенный садъ. Внизу сверкала и серебрилась рѣчка. День обѣщалъ стать жаркій; но въ воздухѣ было покуда еще свѣжо и росистое утро дышало благоуханіями. Бродя по аллеямъ, я неожиданно встрѣтилъ Ларису Дмитриевну. Она была въ блузѣ, съ мокрою простынею въ рукахъ, и объяснила мнѣ, что купается аккуратно каждый день поутру. Въ дневномъ свѣту или, быть можетъ, подъ впечатлѣніемъ слышаннаго вчера, черты лица ея показались мнѣ жестки и непріятны. — „Ксантиппа!“ — мелькнуло въ моемъ умѣ и, страннымъ образомъ, это было первое слово, которое я услыхалъ о ней отъ Неплескина. Но Ксантиппа со мною была любезна. Зная, что я усердный хозяинъ, она расспрашивала меня усердно и съ знаніемъ дѣла: какъ я распоряжаюсь въ своемъ имѣніи и, въ заключеніе, предложила взглянуть на свое хозяйство. — Наши спятъ долго, — сказала она: — мы успѣемъ еще вернуться къ чаю.

Выйдя изъ сада, мы заглянули въ озимое и яровое поля, послѣ чего она показывала мнѣ свой птичникъ и скотный дворъ. Все было въ порядкѣ, и въ результатъ ея объясненій я убѣдился, что это умная, энергическая хозяйка, что я и высказалъ ей въ недвусмысленныхъ выраженіяхъ. Барыня покраснѣла отъ удовольствія, но минуту спустя лицо ея отуманилось.

— Къ несчастію, я совсѣмъ одна, — сказала она. — Отъ мужа ни помощи, ни совѣта; онъ тутъ живетъ какъ въ чужомъ имѣніи. Хотя бы отъ скуки когда-нибудь заглянулъ на работы или прошелся въ лѣсу. Сидитъ тутъ, какъ въ городѣ, цѣлое утро дома, съ своей цапой Иваномъ Герасимовичемъ, — или въ хорошій день, послѣ обѣда, лягутъ гдѣ-нибудь въ рощѣ, на берегу и пролежатъ до вечера, разсуждая о разныхъ высокихъ матеріяхъ, отъ которыхъ никому на свѣтѣ еще не бывало ни холодно, ни тепло. Думаешь, вотъ наконецъ наговорились досыта; такъ нѣтъ, послѣ чаю еще просидятъ на балконѣ до пѣтуховъ. Но я ужъ махнула рукой на философію... Еслибы еще только одна философія! А то, вотъ изволите видѣть, пріятелю нашему мало, что онъ насъ выжилъ изъ К^{***}, чтобъ легче прибраться къ рукамъ тутъ, въ Ольхинѣ, — мало, что онъ поселился тутъ безъ